

18+

Светлана Белова

Лукич

Светлана Белова

Лукич

«Издательские решения»

Белова С.

Лукич / С. Белова — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-510261-4

Лукич — обычный советский инженер. У него было всё: семья, работа, мечта о славе фотографа с мировым именем. Но жизнь лишает всего и даже самого себя. Долгие годы он живёт без цели, без любви, без мечты, не замечая намёков судьбы. Кажется, что надежды нет, но всегда остаётся последний шанс, где немаловажную роль сыграет умершая супруга героя.

ISBN 978-5-00-510261-4

© Белова С.
© Издательские решения

Содержание

Часть 1	6
Галюня	6
Сеня	13
Галя	19
Мия	26
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Лукич

Светлана Белова

Редактор Светлана Беллендир
Дизайнер обложки Светлана Белова
Иллюстратор Светлана Беловва

© Светлана Белова, 2020
© Светлана Белова, дизайн обложки, 2020
© Светлана Беловва, иллюстрации, 2020

ISBN 978-5-0051-0261-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Часть 1

Галюня

Последнее, что я увидела, – побелевшие губы мужа. А потом в небольшом зале дома профсоюзов погас свет.

Плотнее прижала сына: несмотря на то, что хорошо знала сценарий показа, ощутила нарастающее напряжение. Сердце словно сдавила рука повара, выжимающего сок из лимона.

Присутствующие зашикали, мужчина позади хмыкнул: «Мало завешанных чёрным картин, так ещё это».

Из динамиков прозвучал бодрый женский голос:

– Здравствуйте, товарищи! Вас приветствует автор выставки Семён Невзоров.

Прожектор осветил чёрно-белую фотографию. На ней мужчина в клетчатой рубашке держал в руках фотоаппарат, заслонив им лицо. В объективе угадывалось отражение бескрайнего русского поля.

В зале тишина наполнялась пониманием происходящего, становилась мягкой, податливой, как тесто в руках хозяйки.

– Выставка называется «Незримые», – продолжала женщина из динамиков. – Почему именно так – решать вам.

Прожектор выключился и через секунду осветил новое фото чуть левее прежнего. С него на нас смотрел мальчуган лет пяти – таким серьёзным, пронзительным взглядом, что невольно заставлял задуматься: что же увидел этот ребёнок? И лишь потом оцепеневший зритель вздрагивал и замечал размытый контур позади мальчика. Можно догадаться, что это женщина.

– Андрею четыре с половиной, он из детского дома, – прокомментировал голос.

Свет опять погас. А потом вновь в ярком круге – чёрно-белая панорама поля. Чёткие светлые колосья пшеницы с тонкими волосками по краям. Вдалеке виднеется темнота леса. А между ними, в среднем плане, словно зависла серая пелена, на которой кружочками поблёскивают капельки то ли росы, то ли дождя.

Я знала все эти фотографии вдоль и поперёк. Но в большом формате, в такой необыкновенной обстановке они воспринимались совсем иначе, чем дома на кухонном столе. Почти полгода мы с Сеней тщательно отбирали снимки, думали, как представить их наиболее выигрышно.

Правда, без Кольки, друга мужа, вряд ли получилось бы организовать выставку, а уж до подобной эффектной подачи мы не додумались бы.

Его идея – завешать картины и освещать по одной прожекторами сначала нас с мужем насторожила. Но Колька умел убеждать, а его девиз «Инновациям дорогу» стал решающим аргументом в долгих спорах. Тогда я сказала мужу: «А ведь и правда, Сеня, это свежая мысль. Когда я хочу разнообразить выпечку, но при этом не добавлять лишних ингредиентов, кладу лимонную цедру. Вроде и то же самое тесто, но вкус отличается ароматом и освежает».

И теперь не только зрителей, но и нас самих пробирало до мурашек и вместе с тем завораживало, заставляя внимательно вглядываться в детали каждой фотографии.

Мужчина, который вначале недовольно высказался насчёт ткани, произнёс:

– Действительно, незримо. Но как тонко.

Когда представление основных картин закончилось, включился свет. Сначала мягкий, чтобы не шокировать глаза зрителей перепадами освещения. В полутьме фотографии казались объёмными, а персонажи на них – живыми.

Я подумала: «Наверное, это только мне так кажется. За время подготовки к выставке все снимки стали нам близки, как родные». Посмотрела по сторонам, стараясь считать реакцию публики по лицам и жестам.

Маститые фотографии кивали, шёпотом обсуждая увиденное. Журналисты обступили Семёна: одни строчили в блокноте, другие держали на весу диктофон. Пара микрофонов протянулась от видеокамер.

Я видела, как Сеня отвечал, глазами обшаривая зал. За спинами зрителей и корреспондентов нас с Гешкой он не замечал. Поэтому потянула сына к фотографии, которая висела ближе к мужу.

К фотографии обратилась молоденькая журналистка:

– Товарищ Невзоров, вам помогал кто-то в организации выставки?

– Галина, супруга. И школьный друг – Николай Остапов, – я увидела, как Сеня ухватил за локоть стоявшего неподалеку друга и вручил корреспондентам, а сам направился к нам.

Мы оказались возле памятной фотографии: впервые съездили на Японское море летом прошлого года – накануне первого сентября. Тогда сын пошёл в первый класс. На фото привольно раскинулось море, а на горизонте, охваченном туманом, едва различались баржи, замершие на якоре.

– Сбежал? – прижалась головой к плечу мужа.

– Колька справится, – прошептал Сеня, потрепав сына по голове. – Геш, помнишь, откуда фото?

Тот кивнул:

– Я бы хотел ещё туда поехать.

– Поедем, сынок, непременно поедем.

В зале вдруг загудели, послышались возмущённые возгласы. Муж обернулся и прошептал:

– Чёрт...

Я тоже посмотрела назад и упёрлась взглядом в торчащий гвоздь на стене. Если правильно помнила, там висел крупноплановый натюрморт с хлебом и крупинками соли. Куда могла деться фотография?

Журналисты засуетились, снимая пустоту и заваливая вопросами организаторов выставки. Сеня двинулся вперёд, но Колька уже отвечал корреспондентам, словно маг, делая успокаивающие пассы руками.

Когда торжественное открытие выставки закончилось, мы пригласили Кольку с семьёй к нам на ужин. К семичасовым новостям все собрались перед телевизором. В зале накрыли праздничной белой скатертью стол, мужчины раздобыли спиртное. Хотя я и не одобряю этого, но сегодня такой повод, пусть отметят. Сеня давно мечтал о собственной выставке, да и Колька на самом деле многое сделал, чтобы она состоялась.

Помимо пары простых салатов и горячего, на большом блюде ароматно дышал паром картофельный пирог с лесными грибами.

Сеня его обожает, а Колька готов есть вообще любую мою выпечку.

Кстати, ради этих пирогов он каждое лето и осень таскает Сеню с мальчишками в лес собирать грибы. Мы с Ларисой, его супругой, остаёмся дома. Как говорит Колька: «Грибы любят мужские руки, сноровку и группировку». Мы готовим ужин добытчикам и, когда они возвращаются, помогаем обрабатывать урожай: чистить, мыть, варить.

Я научилась ещё и сушить грибы, что часто сэкономило нам время. Особенно, когда мужчины увлекались и приносили не только по два больших короба, но ещё и в корзинках. Зато,

конечно, зимой с удовольствием готовила жареную картошку или пироги с ароматными лесными боровиками.

Забавно, но моюстряпню Колька любил больше Лариной. Она брала у меня кучу рецептов, но готовить, а тем более печь, не любила, потому и получалось у неё совсем иначе.

– Галя, ну вот как ты всё успеваешь, – раскладывая вилки, певуче растягивала слоги Лара. – Я со своими бойцами разрываюсь.

Я засмеялась:

– Так у тебя их трое! Не считая Кольки.

– А я что? – деланно возмутился Николай. – Я помогаю.

В поисках местного канала он поворачивал ручку телевизора, которая отзывалась звонким «дынц-бымц».

– Точно! – махнула рукой Лара. – Помогаешь бедлам устраивать.

– Давай девочку родим? Будет нянькой, – Колька нашёл нужную частоту, подошёл к жене и приобнял за талию, глянув за её спиной в телевизор. – О! Начинается! Тихо! – скомандовал он, и мы все опустили кто куда.

Промелькнула заставка, отделяющая основные новости и культурные. Диктор сообщила:

«Сегодня в Союзном доме культуры и самодеятельного творчества профсоюзов состоялось открытие выставки фотолюбителя Семёна Невзорова».

Сеня стоял, вцепившись взглядом в чёрно-белый экран. Сюжет начался с момента, когда погас свет, тут же сменился освещённым видом зала, а голос за кадром рассказывал про автора и идею выставки. Говорилось, что работы высоко оценили мастера и критики. Мелькнуло моё лицо, а вот наши три спины поймали возле фотографии с морем. Потом в кадре появился Колька.

– Товарищ Остапов, расскажите зрителям: завешанные фотографии – это ваша идея? – спрашивала молоденькая журналистка.

– Скорее, совместная. Мы не хотели, чтобы до начала представления работы рассматривались все вместе.

– Но, честно говоря, это выглядело пугающе: по стенам мрачные ткани, потом неожиданно погас свет...

– Тем не менее, эффект появления одной фотографии в круге прожектора был поразительным, согласитесь? Готов поспорить, – Колька потряс раскрытой ладошкой, словно сеял муку, – если бы не такая подача, зрители не смогли бы погрузиться в многоплановость кадров, в детали.

Журналистка улыбнулась:

– Необычная подача, тут должна согласиться.

На экране опять появились зрители, рассматривающие фотоработы. Задержка на пустом гвозде...

– Подскажите, – раздался мужской голос, – ситуация с пропажей работы тоже спланирована?

В кадре вновь появился Колька. По его лицу никто не догадался бы, нервничает он, удивлён или спокоен. Едва заметно пожевал губы и бодрым голосом ответил:

– Конечно. У нас всё было сделано так, чтобы вызвать интерес, чтобы зрители задавались вопросами...

– Однако пока ответы на них не очевидны, – теперь на зрителей смотрела та же журналистка с микрофоном, стоявшая рядом с Колькой. – Поэтому я обязательно приду ещё раз. Чтобы внимательно рассмотреть работы товарища Невзорова.

– Да я давно говорил Лукичу, что его фотографии достойны выставки, – вставил Николай.

– Лукичу? – подал голос пожилой журналист, и камера показала его лицо. – Обычно так называют людей в возрасте, а Семёну, как мы поняли, около тридцати.

На экране появилась фигура автора выставки, а Колькин голос объяснял:

– Да просто у нас на заводе в отделе сразу три Семёна, вот и дали им прозвища. – Теперь он опять показался на экране, добродушно улыбаясь. – А к Лукичу приклеилось отчество, не оторвёшь.

Общим планом видеочамера прокатилась по залу с фотоработами Сени, а журналистка сообщила, что выставка продолжится ещё месяц, после чего состоится аукцион, где желающие смогут выкупить понравившиеся фотографии. Далее программа перешла на другие новости культуры.

Колька покрутил ручку регулятора громкости, оставив на экране телевизора только изображение. Разлил коньяк и встал, держа на весу стопку:

– Ну, Лукич, за тебя!

– Мог бы и не называть меня так на камеру, – пожурил Сеня, чокаясь с другом и Ларой. – За тебя, Коль!

Я придвинула в общую кучу стакан с морсом.

– Ребята! Мойте руки, идите за стол, – позвала я детей, когда взрослые выпили и принялись за еду.

Мальчишки, подталкивая друг друга, пробежали в ванную, а оттуда выскакивали, потряхивая руками.

Некоторое время мы рассаживали детей, накладывали им еду и выслушивали, как они играли в комнате у Гешки. Спустя минут десять их гурьбой вынесло обратно в комнату: там ждали дела поважнее наших скучных разговоров.

Колька озвучивал один за другим тосты, но Сеня попросил не частить:

– А то свалимся раньше, чем пироги съедим.

Но больше всего нас интересовал и волновал вопрос: куда делась фотография.

– Может, вы забыли её передать организаторам? – Лара поморщилась и пригубила компот, после чего поставила стакан рядом со стопкой.

– Издеваешься? – Сеня хрустнул солёным огурцом. – Мы с Колькой всё проверили.

– Слушайте, а перед началом выставки она была на месте? – я замерла с вилкой в руках.

Все помолчали, вспоминая. Люди собирались в зале постепенно, свет выключился не сразу.

– Вроде да, – Семён потерев салфетку и принялся складывать из неё многоугольник.

– Эх, оставили нас без хлеба, – усмехнулся Колька. – Хорошо хоть здесь не воруют, – он положил себе на тарелку кусок пирога, облизнул кончики пальцев.

Она должна была быть. Конечно, Колька молодец, что быстро сориентировался и усыпил бдительность корреспондентов. Но мы-то знали: работу украли. Вот только кому это понадобилось и главное – зачем?..

На следующий день муж принёс с работы ворох газет.

– Представляешь, Галюня, все хвалят мои работы, – с удовлетворённой улыбкой уселся за кухонный стол. – Сейчас мы с Колькой поедим ещё снимать.

– Куда? – накладывая в тарелку плов, заволновалась я.

– Колька сказал: искать натуру.

– Ничего не понимаю. Сеня, можешь по-человечески рассказать?

И муж рассказал, как утром в кабинет влетел Колька, раскидав перед ним газеты веером: «Лукич, это успех!» Он цитировал приведенные оценки профессионалов, которые отмечали

«удачные ракурсы, смелое кадрирование и необычные фокусировки», «мастерскую работу со светом», как журналисты восхищались подачей работ и автором. И даже не обошли вниманием друга – то есть Николая.

Колька кипел восторгом, мечтая, как про выставку напечатают в «Советском фото». «А там и до „Нэшнл Географик“ докатимся», – засмеялся Сеня, процитировав слова друга.

С заграничным журналом получилась целая история.

В прошлом году начальник отдела на заводе, где работал Сеня, вернувшись из командировки, принёс американский журнал. Народ равнодушно полистал, вскользь отметив высокое качество бумаги и её непривычный запах. Но Сеня заинтересовался изданием настолько, что несколько месяцев на его столе поверх всех документов, проектов и отчётов красовалась обложка с белохвостым оленем, пьющим из зеленовато-серой лужи.

Сеня так много времени проводил с журналом, что коллеги начали отпускать разнообразные шуточки по этому поводу. Впрочем, муж не обижался на них, наоборот поддерживал: «Мы с оленем одобряем».

Начальник отдела фотографией не увлекался, да и всегда мог привезти новый, поэтому в конце концов подарил Сене журнал.

Дома муж несколько вечеров подряд показывал мне, объясняя по ходу, чем отличаются зарубежные снимки от наших, советских. Меня удивляло и качество печати, и сами снимки, и главное – он весь был цветным.

Я знала, что для наших сограждан, обычных фотолюбителей, идеалом служил журнал «Советское фото», попасть в который удавалось далеко не всем, даже талантливым ребятам. Сеня «Советское фото» уважал, но публикации там не жаждал.

С «Нэшнл Географик» он сидел часами, по сотому разу рассматривал фотографии, гладил страницы. Читать по-английски, конечно, он не умел, но я видела, как этот журнал вдохновлял его, манил и дарил мечты. Именно после того, как журнал обосновался у нас на книжной полке за стеклом, Сеня решился на эту выставку, которую мы так долго готовили, и про которую сейчас рассказывал, уплетая ужин.

Я старалась не перебивать, потому что обычно он не стремился к подробностям. Видимо, на самом деле разговор проходил ещё эмоциональнее. Я так и видела, как Колька размахивает руками, снуёт по кабинету и с восторгом сыплет идеями.

– В общем, я сказал, что вряд ли мои снимки окажутся в забугорном журнале. Потому что им нужна натура, а у меня преимущественно фактура. На что Колька, ну, ты же знаешь его энтузиазм, заявил, что сейчас нельзя сдаваться и нужно готовиться ко второй выставке.

Сеня сделал паузу, собрал тарелки со стола и поставил их в раковину.

– Я ему даже в шутку сказал: «Ты так радеешь, словно сам хочешь в тот журнал попасть». А он так сразу потух, будто я в самое больное место попал. Знаешь, что ответил?

Я покачала головой, достала из шкафчика чашки для чая.

«Если б я умел делать такие фотографии, как ты, я б носом землю рыл, но добился бы успеха, признания, славы».

– Это похоже на него, – я хотела поставить перед мужем кружку с дочерна заваренным чаем, но засмотрелась в её глубину и продолжала держать на весу.

Сеня посмотрел на меня и взял кружку. Опомнившись, спросила:

– А для тебя самого это важно?

– В том-то и дело, – Сеня пригубил «чифир», – сам пока не знаю. Вот его спросил: «Что с той славой делать?» Но ты же знаешь Кольку – ему главное делать, а зачем и для чего, это дело десятое. В общем, поедем искать натуру.

– Так темно уже будет, – взмахом показала на сереющее небо за окном.

– Кольку это когда-нибудь останавливало? – засмеялся Сеня. – Я, кстати, ему точно так же сказал. А он напомнил про фары: «Они не хуже солнца светят».

– Сень, так это его затея. А ты сам-то этого хочешь?

Муж задумался, а потом посмотрел сквозь меня:

– Знаешь, о чём мечтаю вот уже несколько месяцев? Даже во сне видел. Обложка «Нэшнл Географик» с моей фотографией пшеничного поля. И буквы их, английские, видел, представляешь? Не знаю, что они там приписали, – вроде, что-то про необычность взгляда и русскую душу...

Я составила посуду в раковину. Намылив губку, возила по тарелкам и кружкам мыльной пеной. Казалось, понимаю его желание, а он продолжил:

– Славы мне не надо. Хотя в журнале такого уровня оказаться – это почётно. Зато деньги за такую фотографию были бы хорошие...

– Разве мы мало зарабатываем? – с недоверием приподняла брови и через плечо глянула на мужа. Качнула головой. Вот уж не думала, что его волнует именно это.

– Галюня, ну ты же понимаешь, что сейчас только на троих хватает. Да и ремонт можно было бы сделать...

– Ой, Сень, какой ремонт! – вытерев кружку полотенцем, брякнула ее в шкафчик. – Мы в позапрошлом году закончили. С меня пока хватит.

Неустроенность в быту меня выводила из себя, а торчащие в коридоре разного размера банки и склянки, то с краской, то с растворителем, то с отмокающими кистями так мешали мыть полы, что с трудом дождалась, когда доделаем последние работы. Поэтому на ближайшие несколько лет даже думать не могла о ремонте, не то чтоб его начинать.

– На машину бы записались, пока очередь дойдёт, как раз подкопили бы...

Я уловила неуверенные интонации в голосе мужа, потому поняла: надо докопаться до истины. Сжав полотенце в ладони, повернулась к нему, упёрла руку в бок:

– Ты водить не умеешь.

– Научился бы. Колька вон как лихачит и меня научит.

– Вот именно. Лихачит! – взмахнула полотенцем и повесила на ручку духовки.

– Ладно, – Сеня пошевелил щеками, словно перекачивал за ними воду. – Ничего от тебя не скроешь. А деньги кстати пришлось бы, если б дочка родилась.

Я закусила уголок губ, поехавших вниз. Подошла к мужу со спины, обняла:

– Сеня, милый, дочки в магазинах не продаются...

– Так, может, обследоваться? – наклонив голову, снизу вверх заглянул мне в глаза. – Может, в столицу поедешь?

С улицы донеслось два коротких гудка.

– Иди. Колька приехал, – поцеловала его в щёку, потрепала тёмно-русую кучерявую шевелюру.

Уже на выходе сунула кулёк с пирогом: «Перекусите на вашей натуре». Муж чмокнул меня в лоб: «Ложитесь спать без меня».

Слова Сени звучали в голове, не давая уснуть. «Может, обследоваться...» Да, я давно подозревала, что неспроста у нас не получается зачать второго ребёнка. А в последние пару лет появились боли внизу живота. Возникали они редко, по вечерам, потому мужу я о них ничего не говорила.

Первое время думала, что это просто от усталости, накопленной за день. Тем более, наутро ничего не беспокоило. Потом решила: так напоминают о себе годы. Хотя для неполных тридцати говорить о возрасте смешно. Потому посчитала, что мужу не стоит об этом знать.

А вскоре наблюдение за своим здоровьем отошло в сторону. Даже не на второй план, а, наверное, на двадцатый. Началась подготовка к выставке Сени – такое важное мероприя-

тие требовало много времени и сил от всех. Работа, готовка, уборка, а по вечерам посиделки на кухне – отбирали лучшие снимки, обсуждали, как назвать, как подать их.

Мне нравилось помогать мужу. Когда муж и сын счастливы, тогда и у меня на сердце тепло и спокойно. Тогда и боль отступила надолго, мне даже показалось, что всё прошло. Но сегодняшний разговор с Сеней распотрошил законопаченные вопросы и тревоги.

Осложнялось всё моим недоверием медицине, погубившей родителей. Врачи ведь могут только продлить боль, якобы из сострадания пичкая лекарствами, химией убивая болезнь и одновременно здоровые органы. Всё это я проходила дважды: отец умер быстро, а мама... Её крики по ночам нет-нет, да снились мне. Особенно когда сама засыпала с болью, вгрызавшейся в бедро.

Я давно решила, что, если у меня найдут неизлечимое, не буду продлевать муки. Не хочу лежать овощем, причиняя страдания мужу и сыну.

«Может, это всего лишь мои страхи», – пыталась отогнать мрачные мысли, ворочаясь с боку на бок. «Вдруг на самом деле есть лекарство, и я смогу ещё родить...»

Закрыла глаза и в затуманившемся облаке заметила девочку. По виду дала бы ей лет восемь. Как Гешке.

Сделала шаг навстречу, облако рассеялось. Золотистые волосы до плеч, бледно-голубой, почти прозрачный, нежный взгляд. На девочке болтался слепяще-белый балахон, будто светящийся изнутри. Она протянула бледную ручку и поманила.

– Ты моя дочь? – обрадовалась я.

– Я за тобой, – с печалью в голосе отозвалась девочка.

– Кто ты? – ничего не понимая, пыталась разглядеть её получше.

– Мия.

– Какое необычное имя. Никогда не слышала.

– Пойдём, – опять протянула руку девочка, растворяясь в светлом мареве...

Сеня

Запах жареной картошки встретил меня, едва я открыла дверь.

Теперь у плиты чаще крутился муж, потому что мои вечера проходили в хождении по врачам: то сдай анализы, то получи результаты, то одна консультация, то другая...

Положила авоську с хлебом и бутылкой молока на пол, опустилась на банкетку, стянула ботики. Облокотившись на стену, прикрыла глаза.

– Галюня, привет, – донёлся приглушенный голос мужа из-за закрытых дверей ванной, – мы тут скоро закончим!

Нашулав ногами тапочки, надела и пошла переодеваться.

Иногда мне казалось, что эта круговерть никогда не кончится. Впрочем, хороших новостей уже не ждала. Учитывая анамнез, как говорит терапевт, слишком велики риски. А я предупредила, что никаких операций и химиотерапий не допущу.

Доктор пригрозил, мол, меня спрашивать не будут, потому что в экстренном случае пожелания пациента в расчёт не берут. Если вмешательство посчитают целесообразным, его проведут не смотря ни на что.

Так и хотелось бросить ему в лицо: «Вам бы только эксперименты на людях ставить!» Но сдержалась.

И зачем только поддалась на уговоры мужа. Уж лучше бы просто жила, полноценно наслаждаясь каждой минутой с близкими.

Дома любила носить лёгкие ситцевые платица, но сегодня так хотелось тепла, уюта и покоя! Достала из глубины шкафа махровый банный халат. Плотно укутавшись, посидела в кресле, поджав ноги. Потом пошла на кухню.

Из ванной выскочил Гешка.

– Мам, привет! – приобнял и убежал в свою комнату. – Ты пока в ванну не заходи, мы сейчас!

Сын, отколотив очередь пятками по полу, убежал обратно, бухнула дверь в ванную.

На кухне по радио читал Баталов. Каждый раз, когда слышала его приятный, бархатный с хрипотцой, голос, я погружалась в этот тембр, совершенно теряя смысл слов.

На столе заметила «Советское фото». Пролистала туда-сюда, но не нашла ничего про выставку. Странно.

– Привет, Галюня, – сзади поцеловал меня в шею Сеня. Я вздрогнула, потому что совсем не слышала шагов.

– Гешка! – муж вышел в коридор и подцепил авоську, – заканчивай глянецвать. Руки мой, иди ужинать.

– Да только что мыл! – отозвался из комнаты сын.

Сеня достал хлеб, отрезал три куса. Располовинил и выложил на поставленную торцом булку.

– Как сходила?

– Пока ничего нового, – вздохнула. – А где про выставку, Сень?

Муж раскладывал вилки. Потом забрал журнал и швырнул на подоконник:

– Потом посмотришь. На пятнадцатой странице...

– Не поняла.

Подошла к окну, открыла журнал на нужной странице. Среди других заметок сделали небольшое упоминание:

«В областном Союзном доме культуры и самодеятельного творчества профсоюзов была размещена выставка, составленная из 40 работ,

фотолюбителя С. Невзорова. Давнее увлечение фотографией позволило автору выставить зрелые работы – жанровые сюжеты, пейзажи, портреты».

Ни одной фотографии.

Звякнули тарелки, которые расставил муж. В тишине прозвучал голос Баталова из радио: «Что-то в ней есть жалкое всё-таки», – подумал он и стал засыпать»...

Отложив журнал обратно на подоконник, опустилась на стул. «Как он здорово читает «Даму с собачкой», – проскочила мысль, когда мозг уловил фамилию «Гуров». Согнутым пальцем возила по губам и смотрела на мужа. Он стоял спиной ко мне, споласкивая кипятком заварник. Заметила резкие движения, когда он порывисто схватил пачку с чаем.

Насыпая в чайник, просыпал немного мимо. Цыкнул щекой, вздохнул и собрал сухие комочки в ладонь. Обычно, если подобное происходило, он подставлял горлышко заварника к краю стола и сыпал туда чай. Но сегодня муж открыл дверку под раковиной и стряхнул всё в мусор. Хлопком закрыл шкаф.

Сеня поставил на стол деревянную дощечку и водрузил сверху накрытую крышкой сковородку.

Я боялась посмотреть мужу в глаза. Такое чувство, что меня, словно тонко раскатанный пласт теста, который неожиданно разорвался, хозяйка слепила опять в мякиш и начала раскатывать заново...

– Давайте есть! – появился в дверях кухни Гешка, – а то я мамонта готов проглотить, – подмигнул мне и устроился напротив.

– Мамонта мы есть не будем, он волосатый и дурно пахнет, – усилием воли натянула улыбку, – а вот картошечка пахнет чудо как хорошо.

– Не верь, Геш. Пахнут мамонты прекрасно, просто жарить их три дня и три ночи, – Сеня подул на вилку с пышущим паром ломтиком, – поэтому, сын, лучше готовить папонта. Но тут другая проблема: они хитрые, поймать их могут только самые ловкие и отважные.

Гешка захохотал, я выдавила очередное подобие улыбки, хотя на душе скребли кошки.

Перед сном мы с Сеней лежали на диване, обнявшись. Я устроила голову под его рукой, уткнувшись щекой в волосатую грудь.

– Ты бы слышала, как возмущался Колька, – со вздохом усмехнулся Сеня. – Собирался писать претензию в редакцию журнала.

– Представляю.

На стене часы отбивали секунды. В соседней комнате скрипнула кровать, на которой повернулся во сне сын.

Я не могла найти правильных слов, чтобы утешить мужа. Понимая, как ему хотелось успеха, разделяла его печаль. С другой стороны, мне казалось, даже хорошо, что выставка не вышла дальше нашего городка. Не хотела внимания, боялась ажиотажа вокруг нашей семьи.

– Знаешь, что обидно? – шепнул Сеня и продолжил, услышав моё «М?» – уж лучше бы вообще ничего не печатали, чем эта безликающая заметка.

Я вздохнула. Погладила мужа по груди:

– Самое главное – сделан первый шаг. Вспомни простых зрителей, которые говорили, как их впечатлили работы.

– Особенно тот дедок, который упрекнул в отсутствии политической подоплёки и пропаганды, – муж положил руку поверх моей, поглаживая пальцы.

– Просто он не понял глубину твоей идеи, – поцеловала Сеню в щёку.

– Ага, зато хорошо понял её тот, кто упёр фотографию с хлебом...

– Ничего так и не выяснили?

– Неа. Мы с Колькой опрашивали администратора, знакомых, которых приглашали. Никто ничего не видел. Ещё и это выключение света. Колька грозил жалобу накатать на директора. Тот отмахнулся: «Вы сами спровоцировали ситуацию, так что теперь ничего не сделаешь». Да бог с ней, с фотографией. Негативы остались и ладно. Непонятно, зачем своровали. Только теперь и не узнаешь.

Дни мои теперь сменялись так быстро, что сливались в сплошной коктейль: дом-работа-поликлиника. Ингредиенты смешивались хаотично и в разных пропорциях. А коктейли я никогда не любила, потому к концу дня уставала так, что буквально валилась с ног.

Но самое неприятное: врачи многозначительно молчали, писали новые направления на анализы, отправляли в другие поликлиники и конца всему этому не было видно.

Спасибо Сене, старался помогать и поддерживать. Гешку отправлял стоять в многочасовых очередях за продуктами да отмечаться в журналах на цветной телевизор, обувь и одежду.

Сначала меня мучила совесть – ребёнка эксплуатируем. Но Гешка так гордился новыми обязанностями, чувствовал себя равным взрослым. А когда сообщил, что ему удалось выменять свой номер «48» на «15», убедилась, что у него отлично получается. Пожалуй, даже лучше, чем у нас.

В один из выходных муж резал хлеб к обеду и выронил нож. Тот звонко шлёпнулся, ударившись лезвием о ручку духовки. Сеня наклонился поднять и, выпрямляясь, зацепился краем рукава на футболке за уголок её дверки. Подёргав в разные стороны ткань, муж фыркнул:

– Галюнь, духовка явно намекает...

Я налила половником суп в тарелку одной рукой, а другой – освободила мужа.

– На что?

– Что мы уже забыли, как пироги пахнут!

Конечно, он имеет право сердиться: выпечкой я не занималась давно, потому что не было то времени, то сил. А сейчас добавился ещё и дефицит продуктов. Погладив мужа по плечу, напомнила: «Муки осталось немного, потому пока не из чего печь». Хотя внутренне превратилась в прошлогодний сухарь от одной мысли, что нужно будет провести целый день с тестом и плитой.

– Мам, а вчера в нашем как раз муку выбросили, дак я взял пару килограмм, – Гешка набрался не только словечек в очередях, но и научился ставить себя так, что сердобольные граждане то пропускали мальчишку вперёд, то помогали, чтоб продавцы не подсунили ему плохой или бракованный товар.

– Милые мои, – поманила мужа и обняла обоих, – потерпите ещё чуток, а? Тестом заниматься нужно в хорошем настроении, а то получится не пирог, а кирзовый сапог.

– Ну уж нет, – муж чмокнул меня в лоб, – по сапогам у нас Гешка ответственный. Думаю, к зиме как раз тебе оформим новые. А пироги подождём, да, Геш?

Сын поставил брови домиком и тут же улыбнулся:

– Подождём, конечно. Нам не привыкать.

А меня долго ещё грызло чувство вины: раньше ведь каждую неделю баловала своих мужчин свежей выпечкой или необычными горячими блюдами. Моя общая тетрадка с тёмно-синей клеёнчатой обложкой распухла от разных рецептов, которые с юности выписывала из книг или вырезала из газет.

Несколько страниц в этой тетради занимали рецепты Таисии Петровны – родственницы, воспитавшей Сеню. Ему едва исполнилось семь, когда не стало матери, и её сестра взяла ребёнка к себе. Он с уважением относился к ней, но называл всегда «мама Тая».

Кстати, именно рецепты мамы Таи отличались простотой приготовления и отменным вкусом. От блюд веяло уютом и душевной теплотой, хотя, казалось бы, готовила я из своих продуктов.

А ещё на работе мы с девчонками любили меняться рецептами, которые кто вычитал в «Крестьянке», а кто подслушал в очереди. У одной коллеги родственники жили в Польше, поэтому часто по возвращении из отпуска она угощала нас традиционными польскими блюдами.

Сегодня на обеде всей бухгалтерией долго хохотали с названия «капытки», а потом дивились рецепту. Никто не угадал, что готовятся они из картофеля.

Спускаясь после окончания рабочего дня к выходу, прикидывала, хватит ли продуктов дома, чтобы сварить эти самые «капытки» на ужин. Улыбнулась, вспоминая, что завтра суббота. Можно будет, наконец, и пирог испечь, и поспать днём, а то слабость в последнее время всё чаще захватывала в цепкие лапы. Улыбка растворилась, потому что опять появилось неприятное напряжение под грудью.

Вышла на улицу и у крыльца увидела Сеню и Гешку.

– Вот так сюрприз, – обняла сына, поцеловала мужа.

– Сегодня мы ужинаем в ресторане! – подпрыгивая на носочках, улыбался сын.

– Как? Я не одета! Да и с Гешкой нас не пустят!

Муж взял меня под локоть:

– Спокойно. Колька обо всём договорился.

Мы взяли сына за руки и пошли по тротуару, шелестя сухими листьями. Я вмиг забыла и про новый рецепт, и про тяжесть внутри. Вдыхая свежий воздух, наслаждалась нежностью ладошки сына.

– По какому поводу пир?

– Пришёл гонорар за выставку, – муж состроил такое лицо, что невольно вспомнился египетский сфинкс из учебника по истории древнего мира.

Несмотря на ещё тёплое солнце, поступь осени ощущалась с каждым днём всё отчетливее: от земли веяло сыростью и прохладой, деревья склонили ветки, запах увядания витал в воздухе.

На тротуаре, напротив входа в ресторан, Колька и Лара с детьми устроили соревнование: кто из мальчишек быстрее добежит до столба и обратно к маме. Колька то и дело поглядывал на часы. Заметив нас, отправил навстречу своих «бойцов». Ребята выхватили Гешку и, приказав строиться «паровозом», издав протяжное «ту-туу», поспешили к родителям.

– Гуляем, значит, – Колька мелко покивал головой, ногтем постукав по циферблату, – а мы тут ждём их, слюнки пускаем.

– Коль, ты прости, – я развела руками, – совсем разучилась быстро ходить.

– Да ладно, – Лара приобняла меня, – мы не обязаны бегать, мы же женщины.

Она подхватила меня под локоть, поправила локон, сбившийся на глаза, и повела ко входу, будто вышагивала по красной дорожке. Я обернулась к мужу и Кольке, приподняла бровь и скованно улыбнулась. Меня всегда удивляли манеры Лары, будто она родилась в княжеском роду, а не в семье рабочих-железнодорожников.

Шумной компанией по темноте мы возвращались домой: проводили Кольку с семьей, потом они решили проводить нас. Возле нашего подъезда я сказала: «Если мы сейчас не идём по домам, значит, все к нам. Будем всю ночь печь пироги и петь песни!» Мальчишки сначала обрадовались, но, когда услышали, что они тоже будут возиться с тестом и начинкой, подпевая нам, быстро пошли на попятную.

Мы пошли опять к дому друзей, как услышали за спиной угрожающий голос одного из дружинников, совершавших последний обход:

– Граждане, расходимся. А не то ночевать всем вам придётся в отделении.

Колька развернулся, явно собираясь объяснить отряду необоснованность замечания. Лара подхватила младшего на руки, вручила мужу ладошки двух других сыновей и, помахав нам: «Пока-пока!», увлекла всех вперёд, подальше от хмурого взгляда дружинников.

Едва зайдя домой, Гешка скинул ботинки и, умывшись, бухнулся спать.

Мы с мужем пошли на кухню: вечерние посиделки вдвоём за чашкой чая давно вошли в нашу семейную традицию. Сеня любил крепко заваренный чай, который я называла чифирём. Мне такого настоя хватало чайной ложки на большую кружку воды.

Пока я доставала чашки, муж выложил на кухонный стол несколько купюр.

– Вот, часть фотографий с выставки выкупили. Тут на отпуск вполне хватит. А можно и на машину начать копить...

Я посмотрела на пол. Сеня налил чай, поставил кружки на стол. Тёплой дымкой поднимался пар.

Нужно сказать мужу всё сейчас. Но пока ясности не было, страшно даже думать о будущем, не только говорить о нём. О будущем, которого лично у меня может и не быть. Какая уж там машина.

– Сень, может, камеру новую возьмёшь?

– Так я купил недавно, – муж вскинул брови, – забыла?

– А, ну да.

Глянув на стену, вспомнила, как осенью прошлого года Сеня готовил снимки для юбилейной книги завода. Директор выписал премию фотографу и вручил грамоту, которая теперь в рамке висела под кухонными часами: «За большой вклад в процветание завода, за популяризацию промышленности и неоценимую помощь в подготовке юбилейного издания, посвященного 25-й годовщине автомобильного завода».

В тот же день муж потратил премию на новый «Зенит». И оказалось вовремя, потому что спустя пару дней мы вернулись с работы и обнаружили вскрытую входную дверь, разбросанные по всей квартире вещи, перевернутый диван и матрас на полу в комнате сына.

После первого шока от зрелища погрома вспомнила о драгоценностях.

Деньги мы дома давно не держали. Когда я открыла счёт в банке, друзья подшучивали: «Храните деньги в сберегательной кассе». Но, работая с деньгами, твёрдо знала: дома их не сохранишь.

А украшений у меня было мало, но каждое – памятное. У кулона из белого золота, подарка тёти Лиды – маминой сестры, цепочка порвалась, и никак не доходили руки отнести её в ремонт. Золотые серьги с крупным янтарём от мамы, комплект чёрнёного серебра от бабушки – всё лежало в шкатулке трюмо. Сердце колотилось в ушах, пока шла до комнаты.

Трюмо оскалилось вывалившимися пустыми ящиками.

Помню, как расплакалась, опустившись на диван. Сеня тогда успокаивал меня, обещая купить десять новых комплектов. Но я оплакивала не утрату украшений, а бесценную память, которую они хранили. К тому времени у меня не осталось никого из родных, кроме мужа и сына.

История оставила след в нас обоих. Иногда с обидой вспоминала, что Сеня не слишком расстроился. Он всегда легко относился к вещам, особенно своим. Единственное, пожалуй, чем он дорожил из материального, – фотоаппарат.

– Всё-таки мне тогда повезло, – словно подтверждая мои мысли, вздохнул муж, отправляя в раковину кружки. – Оставил новый фотоаппарат на работе, а старая камера и материалы для фото оказались грабителям неинтересны.

Глядя сейчас на лежащие на столе деньги, подумала: «Давно хотела швейную машинку, но... нужна ли она мне теперь?» Муж, конечно, без лишних слов пошёл бы и записался на неё. Или даже заплатил втридорога у фарцовщиков¹. Я впиалась взглядом в его прямую спину, ища опору и поддержку, в которых сейчас отчаянно нуждалась.

Сеня взял полотенце, протёр чашку и убрал в шкаф. Принялся за вторую:

– Ты такая молчаливая сегодня, Галюня.

– Пойдём спать, Сеня, утро вечера мудренее, – погладила по плечу мужа и отправилась в ванную.

– А с деньгами-то как?

– Да пока положи где-нибудь в шкафу, – ответила уже из коридора.

¹ Фарцовщик (сленг.) – человек, который занимался запрещённой в СССР покупкой/перепродажей недоступных, дефицитных товаров.

Галя

Сама не заметила, как подкрался декабрь. Обычно на новогоднюю ночь мы собирали у себя Кольку с семейством, да ещё приезжала на пару дней из деревни Таисия Петровна.

Из родни у нас с Сеней осталась только мама Тая. Когда мы поженились, мои родители уже умерли. Бабушек-дедушек я даже не помнила, потому что их не стало, когда я под стол пешком ходила. А мамина сестра вышла замуж и уехала за границу.

Мне нравилась Таисия Петровна, спокойно воспринимавшая разные повороты судьбы. Она без мужа воспитала троих своих детей и Сеню, а когда они разъехались из деревни, взяла ещё двоих ребятишек. Тогда у соседей по улице случилось несчастье, и дети остались без родителей. Мне мама Тая напоминала печку из мультика про «Вовку в тридесятом царстве»: тёплая, уютная, радушная и мягкосердечная.

Каждый год летом или осенью мы выбирались к ней деревню. Заодно и с огородом помогали. А на Новый год приглашали её к нам.

В этом году Таисия Петровна прислала телеграмму: «Встречаю дома внуков тчк Новым годом тчк Летом приезжайте». Мы с Сеней написали письмо, кратко рассказав про наши дела, Гешка нарисовал открытку со снеговиком.

А потом Сеня предложил:

– Давай у Кольки Новый год встретим?

Я помолчала, нахмутив брови. С одной стороны, возня на кухне лечила меня и отвлекала от неприятных мыслей, которые никак не хотели покидать голову. С другой стороны, быть помощницей в нарезке салатов или накрывании столов гораздо проще, чем самой встречать гостей и суетиться, переживая, чтобы все были сыты и довольны. Глядишь, удастся ещё ненадолго удержать маску здоровой и полной сил.

– Правда, Колька попросил твой фирменный пирог, – не дождавшись ответа, приобнял за плечи Сеня.

Вздыхнув, кивнула головой. В конце концов, для разнообразия можно и к ним. У них квартира попросторнее, и, пока они с ребятишками на улицу пойдут, я и посуду помою, и отдохнуть успею...

Радости предстоящий год не предвещал, хоть я и старалась настроиться на хорошее, откидывая плохое, настойчиво проникающее в мысли.

Январским вечером ждала мужа на кухне, подперев рукой щеку. Гешка давно спал. Включила светильник, чтобы глаза не напрягал яркий свет, и поглядывала в черноту окна. Снежинки медленно опускались на отлив, словно убаюкивая мои колючие мысли.

Сегодня Сеня с Колькой сразу с завода уехали снимать, а я не могла уснуть. Пыталась продумать разговор. Только получалось плохо.

Тишину нарушало тиканье часов над головой да соседское радио, которое бубнило через тонкие стенки и раз в час отчётливо передавало сигналы точного времени.

«Подожду ещё полчаса и пойду спать».

Тупо уставившись в кружку с давно остывшим чаем, водила ложечкой по дну. Сегодня налила заварки побольше. Терпкий аромат вуалью окутывал лицо, когда тёмно-карамельные волны сталкивались на поверхности.

«Давно не пекла пончики с карамелью. Хотя Гешке понравились больше с варёной сгущёнкой».

Мысли то начинали разбегаться в разные стороны, напоминая сразу обо всём, то замедляли ход настолько, что не понимала, о чём думаю. Я даже не услышала, как вошёл Сеня. Обнял за плечи:

– Галюня, ты чего не спишь?

Погладила его по руке, боясь посмотреть в глаза.

– Что такое? – муж примостился на краешек стула, держа мою руку.

– Сегодня получила последние результаты... Не хотела раньше говорить... Нужно было проверить всё...

– Да говори же, Галя!

– Рак у меня, – выпалила и закрыла рот рукой, словно сама не верила сказанному.

Сеня молчал, не мигая смотрел на меня. Я всхлипнула, пытаюсь сдержать рыдания. Муж подскочил, прижал к себе, стал гладить по голове, рукам, целовать лицо.

– Милая моя, Галюня, не плачь! Мы будем бороться!

Я уткнулась в его грудь, крепко обхватила. Слёзы потекли ручьём, исчезая в петлях джемпера.

– Ведь можно же что-то сделать, – шептал Сеня, приглаживая мне волосы.

Покачала головой:

– Врач не хотел говорить, но я и так поняла: шансов мало.

– Но у тебя же ничего не болело? Как?

– Просто тебе не говорила, Сеня... Так бывает, – вытерла слёзы тыльной стороной ладони и шумно выдохнула, – Болеть начало, когда стало поздно...

Я смирилась с неизбежным. Перестала ходить в поликлинику, хотя лекарства, выписанные врачом, принимала. С ними усталость не наваливалась чугунной тяжестью, а успокоительные помогали отвлекаться от мыслей о скором конце.

На работе написала заявление об уходе, но начальница его не подписала.

– Если у тебя такое, – она говорила с паузами, подбирала слова, – заболевание... пока сиди на бюллетене. Занимайся оформлением инвалидности. Неиспользованные дни отпуска выплатим компенсацией. На лекарства деньги нужны, да и вообще...

Теперь предстояло пройти ещё раз медкомиссию, хоть мне это совершенно не нравилось. Сил и так мало, а походы из кабинета в кабинет, по этажам отнимали не только остатки здоровья. Они забирали время, такое драгоценное, которое могла провести с сыном и мужем.

Сеня никак не хотел верить, что его жена, его любимая, цветущая, здоровая Галюня обречена. Как это возможно?

Я и сама иногда задавалась этим вопросом: а что будет, когда умру?..

Поначалу удавалось ненадолго отогнать дурные мысли. Казалось, врачи ошиблись, анализы не мои, стоит просто проверить всё ещё раз.

Но с каждым днём мне становилось сложнее ходить. Слава богу, к тому времени вся бумажная волокита завершилась. Муж отнёс необходимое на работу, и теперь вместо моей зарплаты получали небольшую прибавку в виде пенсии.

«Да уж. Пенсионерка в неполных тридцать лет!»

А потом случился приступ. Сеня вызвал «скорую» и, несмотря на протесты, которые я выражала бесцветным голосом, меня увезли в стационар. Врачи настояли на курсе химиотерапии.

Честно говоря, уж лучше бы убили. Никому не пожелаю этой непрекращающейся головной боли, этой хронической тошноты, этой набирающей силу ломоты в костях... Но хуже всего – бесконечно тянущееся время.

Когда здоров, в круговерти повседневных забот не замечаешь, как пролетают один за другим дни. Потому что живёшь заботами о семье, любовью к сыну и мужу, стараешься сделать всё, чтобы они чувствовали твоё тепло и ласку.

Но когда тело сковывают боль и слабость, чаще всего хочется уснуть и не проснуться. А в тягучие часы бессонницы единственно доступными отвлечениями от тягостных мыслей становятся книги да телевизор. Это дома.

А в больничной палате нет ничего, кроме бледно-зелёных стен да белых потолков. Лежишь наедине с физическим недомоганием и собственными мыслями, которые повторяются, повторяются, повторяются...

Словно венчиком взбиваешь яичные белки. Сначала мыслей много, они прозрачны и легко меняют оттенки и настроения, которые их окрашивают. Но чем дольше взбиваешь, тем более плотной становится их белая, не пропускающая свет пелена. Они принимают причудливые формы, за которыми нельзя различить истину. Они легко вбирают всё доброе и светлое, что есть в тебе, становясь больше, захватывая всё свободное пространство вокруг. И их оттенки, в отличие от белков, совсем не белого цвета.

А ночи. Какие они бесконечно длинные! За одну ночь успеешь десять раз умереть и потом, забывшись дремотой, с первыми лучами проснёшься с сожалением: новый день. Очередной, наполненный бессилием, тошнотой, слабостью день.

После выписки мы с мужем первым делом пошли в парикмахерскую: мои волосы, красивым ржаным оттенком которых так восхищался Сеня, стали выпадать, словно Бог гадал на них: выживет-не выживет...

Дома нас встречали Колька с Ларисой. Они накрыли стол, поставили в вазу полевые цветы.

– Повезло тебе, Галя, – Колька всегда отличался оптимистическим взглядом на жизнь, но сейчас мало кто понял его намёк. Лара толкнула его в бок, и он торопливо добавил: – Так говорят, скоро будет спиртного днём с огнём не достать.

– Я и не пила, – опустила в кресло напротив стола. Есть не хотелось совсем. В глубине души хотелось побыть одной.

– Вот и говорю: повезло! Отвыкать не придётся. А вот мне с этими новшествами... – не договорил Колька, поняв, что шутку не поддержали.

Поначалу говорили об успехах детей в школе, о новой работе Ларисы и планах на следующую выставку Сени, обходя стороной моё состояние и пожухший вид.

Теперь я всё чаще и дольше лежала. Больница высосала из меня остатки сил, и мне пришлось только ждать, когда выключится свет. Может быть, я сдалась раньше срока. А может, просто не было сил сопротивляться происходящим в теле переменам. Жалела только об одном: что мужу и сыну приходится уделять много внимания мне, ставшей вдруг беспомощной и слабой.

Как семье с инвалидом нам вне очереди провели телефон. Красный аппарат с дырчатым диском, поселившийся на трюмо, напоминал мне дуришлаг, в который раньше откидывала на промывку макароны.

На заводе Сене не смогли предложить вариантов, поэтому пришлось искать другую работу. В ночной клуб возле дома требовался сторож. Оплата хорошая, даже больше, чем на заводе, но главное – работа посменная, ночная.

Днём муж управлялся по хозяйству, спал после обеда и вечером, отправив сына в кровать, шёл на работу. Целовал меня и шептал: «Если что – сразу звони».

Я старалась не требовать многого, ела мало, по стеночке ходила, точнее ползала, превозмогая боль, до туалета. Уроки Гешка давно делал сам, а если возникали вопросы – помогала, не привлекая мужа.

Теперь выходные, когда я пекла пирожки, а мои мужчины ходили на «фотоохоту», остались в прошлом. Скользящий график мужа редко совпадал с привычной рабочей неделей.

Поначалу Гешка продолжал ходить на улицу с фотоаппаратом один, но отец делал вид, что не замечает. У него находились причины не помогать с заправкой плёнки в кассету («учись сам – профессионалы делают это с закрытыми глазами»), не разводить реактивы («осталось немного, используй эти несколько раз»), не покупать фотобумагу («неважные покупки пока отложим»).

Но главное – он не проявлял интереса к начинаниям сына, всё время занимался бытовыми делами, покупал продукты и лекарства, готовил, ухаживал за мной. У него даже не было времени прилечь отдохнуть или просто посидеть рядом. Чаще мы разговаривали, когда он протирал полы или набирал в тазик овощей для борща и приходил в комнату чистить их.

Беседы наши становились скудными, потому как мне, не выходявшей из дома уже несколько месяцев, рассказать было не о чём. А мужу не хотелось говорить, что происходит у него на новой работе. Первое время он вообще был сам не свой, раздражительный, хмурый. Я допытывалась, он отмахивался, мол, устал.

Как-то сказала, что не буду есть, если не расскажет мне всё.

– Галюня, да что рассказывать-то? – в его голосе услышала отчаяние и скрытую злобу. – Моё дело маленькое – следи, чтоб они не поубивали друг друга, да не впускай посторонних. Ну и что об этом говорить?

– Тогда почему устаёшь, будто вагоны разгружаешь?

– Да потому что ночью людям спать положено, – дёрнул щекой муж.

– Я тоже не сплю, – вздохнула, сама уже недовольная этим разговором.

– Прости, Галюнь, – Сеня подошёл, присел на край дивана, взял меня за руку.

– Мне кажется, ты недоговариваешь, – смотрела ему в глаза, пытаясь уловить малейшие движения зрачков.

– Хорошо. Только пообещай, что просто выслушаешь – и всё.

Я кивнула.

– Перед открытием клуба мы несколько часов тренируемся. У нас есть отдельный спортзал, где мы бегаем, преодолеваем препятствия, качаем мускулатуру. И два мастера, которые учат приёмам самообороны и обращению со сложными посетителями.

– Подожди, ты же говорил, это работа сторожа? – я слушала, затаив дыхание.

– Да, только сторож на вокзале и в ночном клубе – это разные вещи.

– Почему? Это же просто клуб.

– Это не читальный зал, пойми, – Сеня встал, перебирая лекарства на трюмо, переставляя их с места на место, – туда приходят выпить, побузить, женщин потискать. И если они друг на друга или на меня с ножом пойдут или драку затеют, я должен знать, что делать, – он повернулся ко мне. – Правда, пока неприятных случаев у нас не было.

Я кивнула, хотя подозревала, что он просто не хотел пугать. Впрочем, сказанного мне хватило, чтобы понять, почему муж в последнее время осунулся и выглядел недовольным.

Сеня – спокойный, домашний, мягкий – совсем не подходил для такой работы. Да, он физически крепкий и выносливый. Да, кулак у него внушительный. Но представить, что он может кого-то ударить, я не могла. С другой стороны, выбора у нас тоже не было. Жить на одну пенсию втрём мы явно не могли.

Сын тем временем пытался продолжать фотододело. Много дней заправлял в кассету тренировочную плёнку, которую отец дал ему ещё давно, вместе со старым фотоаппаратом.

Но тогда у него не было нужды довести навык до автоматизма: когда они делали всё вместе, Сеня помогал, подсказывал, самые сложные этапы брал на себя.

Теперь Гешке пришлось делать всё самостоятельно. Первую плёнку он засветил. Как это произошло, сын так и не понял: «вроде было темно», «вроде всё проверил», «зашёлкнул кассету». «Вроде», – передразнил отец, швырнув испорченную плёнку в мусорное ведро.

Перед обедом, когда муж собрался принести еду мне в комнату, окликнула его:

– Сень, я не хочу есть. Ты вместо этого, пожалуйста, помоги Гешке заправить плёнку.

Пусть он делает, а ты проверишь, подстрахуешь.

Муж нахмурился и зажал уголок губ: «Ладно».

Позже счастливый Гешка показывал мне три кассеты, которые он заправил с закрытыми глазами. «Теперь мне надолго хватит!»

Он решил сначала использовать плёнки, а потом приступить к проявке и печати фотографий.

Теперь он не фотографировал всё в подряд, как было раньше, когда они делали всё с отцом. Подозреваю, Сеня попросил экономить плёнку, потому что новую покупать не собирался: слишком много денег уходило на лекарства и на покупку новых вещей вошедшему в рост сыну.

Перед Новым годом настроение в доме немного поднялось. Мне стало полегче, я даже смогла немного помогать мужу по дому. Сеня старался меня беречь и просил просто посидеть, но я хотела хоть немного шевелиться. Я упростила его купить живую ёлку. Много лет мы наряжали небольшую искусственную, и лишние траты, конечно, были ни к чему. Но в этом году захотелось настоящую.

Протянула серёжки, которые он подарил мне после того, как нас обворовали:

– Сдай их. Только пусть у нас будет ароматная, пушистая ёлка.

Сеня отвёл взгляд, не решаясь взять украшения.

– Пожалуйста, – вложила ему в ладони и поцеловала в щёку.

Сеня схватил меня в охапку, прижал. Я слышала, как он шумно сглотнул, а когда отпустил, покрасневшие глаза с сочувствием смотрели на мои волосы.

В выходные решили ставить ёлку, достали коробку с новогодними украшениями. Гешка ходил вокруг, вдыхая древесно-свежий аромат. Он сделал фотографию еловых веток и, отложив на трюмо камеру, начал доставать игрушки и мишуру.

Опираясь на диван, я поднялась и, чуть постояла, собираясь с силами. Тревожным взглядом муж следил за мной, готовый подхватить на руки. Я чуть улыбнулась, подняв раскрытую ладошку. Подошла к пышной красавице и попросила Гешку подавать игрушки.

У нас выходило здорово. Я рассказывала историю игрушек. И сама улыбалась воспоминаниям. Вот совёнок – мой ровесник, его принёс папа на первый Новый год, как я родилась. А эти большие розоватые шарики из тонкого стекла достались нам от бабушки. Красную звезду мы купили с Сеней, когда ставили первую ёлку вместе. Тогда мы жили с моей мамой. А жёлтый лев появился у нас в год рождения Гешки – он ведь родился под знаком Льва.

Долго стоять мне не удалось. Я присела на табурет, с которого Сеня ставил на верхушку звезду. Потом перебралась на диван, развлекая сына и мужа рассказом о прошлых новогодних желаниях, многие из которых сбылись. Спрашивала и про их желания.

Улучив момент, когда Гешка и Сеня навешивали гирлянду, взяла фотоаппарат и сделала кадр. Звук затвора выдал меня, они оба повернулись. Их удивлённые лица щёлкнула ещё раз. Гешка воскликнул:

– Мам, а давай я вас с папой под ёлкой сниму.

– Попозже, сынок, только села.

Поймав тревожный взгляд мужа, который скользнул по моему лицу, мотнула головой, сомкнув веки.

– Как бы я хотела испечь картофельный пирог или хотя бы постругать «оливье».

Я смотрела на красавицу-ёлку и вспоминала, как в детстве вместе с мамой готовили новогодние блюда. Тогда только начиналась мода на «селёдку под шубой» и «оливье». Мне доверяли почистить овощи и нарезать их. Папа говорил: «У Гали мелко получается, так вкуснее».

– Договорились, – складывая остатки мишуры в коробку, ответил Сеня. – Организую сюда доску и миску, постругаешь. А вместо пирога предлагаю торт-мороженое.

– Ура! – подпрыгнул Гешка.

– Пойдём, поможешь коробки убрать наверх, – Сеня вручил ту, что поменьше, сыну.

В новогоднюю ночь мы чокнулись газировкой под бой курантов, доносившийся из телевизора. А потом вповалку на диване смотрели «Голубой огонёк».

Начало передачи заставило меня всплакнуть, когда Олег Ефремов рассуждал про жизнь, которая «идет на нас, готовая повелевать и подчиняться». Слёзы сами покатались по щекам, защемило в сердце от понимания: моя жизнь подходила к точке. Но вместе с тем знала: остановить время невозможно. Впрочем, сейчас я и не хотела останавливаться в этом немогущем состоянии.

Колька поздравил нас по телефону: та встреча после больницы у нас дома оказалась последней. В качестве новогоднего сюрприза сообщил, что у них с Ларисой ожидается прибавление в конце апреля. Надеются, на этот раз девочка. Мы пожелали счастья и благополучия их семье.

На каникулах Гешка решил проявить отснятые плёнки и напечатать фотографии. Первую он испортил. Сеня только на секунду взглянул на негативы:

– Передержал в проявителе.

– Пап, так я вроде по часам...

– Значит, неправильные температура или концентрация.

У сына задрожала губа, навернулись слёзы:

– Кажется, я перепутал, когда записывал.

Раньше Сеня непременно бы пошёл с сыном, проверил записи, они нашли бы ошибку, всё исправили. Потом вместе сделали бы всё от начала до конца ещё раз, и два, и три. Пока сын не запомнил бы каждый этап. Но Сеня промолчал, глянув на телевизор. Подошёл к нему, провёл пальцем: под ним проявился серо-зеленоватый тусклый экран, а по краям следа остался пыльный налёт.

Гешка смотрел на отца, потом на меня. Я протянула руку, подзывая к себе. Сын присел рядом, зарылся в мои объятия.

Цыкнув щекой, муж пошёл за тряпкой и принялся вытирать пыль. Сначала на телевизоре, потом на лакированных полках стенки, потом перешёл к трюмо, уставленному лекарствами, которые сменили косметику и парфюмерию.

Гешка вздохнул и, прихватив негативы, побрёл в комнату. На следующий день, когда Сеня ушёл на работу, мы решили подольше не спать. Сначала читали и рассматривали старые фотокарточки. А потом, чувствуя, что сын затаил обиду, решила сгладить поведение мужа.

Мы тепло поговорили с сыном. Он согласился, что не нужно вешать нос, если что-то не получилось. Лучше поискать варианты исправить ситуацию или проанализировать ошибки. И, раз папе некогда, можно узнать необходимое из энциклопедий или журналов.

Оставшиеся плёнки Гешка проявлял сам, проштудировав несколько книг для начинающих фотографов. И негативы, и карточки получились замечательные. Правда, Сеня их тоже проигнорировал. И я не понимала, почему он так изменился, – ведь раньше он не расставался с камерой. Охотно проявлял, печатал. Удачные кадры развешивал в коридоре на прищепках, которые цеплялись за натянутые рядами верёвки. Раньше он смеялся: «Домашняя фотовыставка». А сейчас одно упоминание о фотографии вызывало на лице мужа гримасу боли.

В нашем доме день ото дня становилось печальнее и тише.

Каждое утро и каждый вечер мысленно умоляла то ли саму себя, то ли Бога, то ли высший разум поскорее забрать меня. Боль разливалась по телу, отдаваясь кувалдами в затылке. Меня словно каждодневно колотили молотками для отбивных. Запахи пищи вызвали тошноту, а во время еды желудок сжимался в арахисовую скорлупу.

Казалось, я лежала целую вечность на жёстком диване, застеленном белым постельным бельём, глядя в голубую даль за окном. Превращалась в высушенное тонкое дерево. В глазах мужа я читала страх и жалость. Он ничего не мог сделать, хотя был готов отдать и жизнь, лишь бы я выздоровела или хотя бы не так страдала.

Болтавший раньше без умолку Гешка приходил со школы, садился на стул рядом. Мы держались за руки, но говорили мало. Конечно, он всё понимал.

И хроническая усталость. Бессонница. И недосып.

А потом всё закончилось.

Мия

Очнулась, сначала не понимая, почему вижу себя со стороны. Но за доли секунды вспомнила всё. Я освободилась от измученного болезнью тела.

– Привет, – ко мне приблизилась девочка с прозрачно-голубыми глазами из моего давнишнего сна. Она не раскрыла рта, но я отчётливо слышала её голос.

– Как ты это делаешь?

– Ты тоже так можешь, – улыбнулась она. – Теперь мы снова одно целое.

Образ девочки растворился и осознание наполнило меня: «Мия. Душа».

Радость захватила мягкими лапками: я справилась! Прошла путь, назначенный на это земное воплощение, выполнила задачи. Теперь меня не беспокоят рамки, границы, физические ограничения. Хотелось взмыть высоко-высоко, кружиться в бессветном пространстве.

Но тут в комнату вошёл муж. Остановился на пороге, немигающим взглядом смотрел на диван.

Подбежал, схватил тело за плечи, кричал в грудь. Обнимал жену, не желая принимать очевидное. Опустив безжизненную оболочку, посеревшими глазами уставился в пол. Он словно постарел на несколько лет. На лбу залегла глубокая напряженная складка. Губы сжались в тонкую, сухую линию, их уголки опустились.

Я наблюдала сверху, но ничего не могла сделать, чтобы облегчить его страдания. Тяжесть и горечь момента утраты отчётливо помнила по своему опыту, когда ушли родители. Но сейчас добавились сочувствование и сопереживание. Именно их испытывают родственные души: когда боль другого становится твоей болью.

Потом Семёна закрутило чёрно-серой однообразной суетой, которая сопровождает похороны. Людей пришло мало, да и неудивительно: за полтора года болезни обо мне успели многие забыть.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.